

делить оптимальный для законодательства Республики Беларусь способ правовой охраны эмбриона человека.

1. Крылова, Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений: монография / Н. Е. Крылова. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 320 с.
2. Пенитенциарный кодекс Эстонии [Электронный ресурс]: 6 июня 2001 г. // JURIST АПАВ. — Режим доступа: <https://v1.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/penitentsiarnyy-kodeks>. — Дата доступа: 05.12.2018.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

Кирко Евгений Сергеевич

бакалавр богословия, магистрант Минской Духовной Академии

Философия религии священника Павла Флоренского как апология христианства

Вопросы происхождения религии для отца Павла всегда имели особое значение. Свое понимание происхождения религии Флоренский продемонстрировал уже в ранних статьях с 1903 по 1908 год, а также в своей докторской диссертации под названием «Столп и утверждение Истины» в 1914 году. Но наиболее точно по данной теме отец Павел высказывался в своих лекциях подготовленных в 1918 году. Отец Павел считал: «Отказ от религии означает отказ человека от самого себя» [1, с. 107]. Религия расположена в основании всех аспектов деятельности, как всего общества, так и конкретного индивида, а также в культуре, философии, науке. Философия религии — это история ошибок и успехов, попыток и возможностей человека устоять в дарованном ему от Господа вечном бытии. Но у Флоренского человек начинает терять связь с Богом тогда, когда соприкасается с «конкретной метафизикой» или даже с «символической онтологией» — это и есть та самая катастрофа глобального масштаба, когда разрушается обычное устройство всего мира и конкретного индивида. [2, с. 92-93].

1. Флоренский, П., священник. Из богословского наследия. Богословские труды: сб. 17 / священник П. Флоренский. — Москва, 1977. — 248 с.
2. Флоренский, П., священник. Избранные труды по искусству / священник П. Флоренский. — Москва: Изобразительное искусство, 1996. — 333 с.

Коднев Максим Алексеевич

Старший преподаватель БГУКИ

Категория памяти в западной теологии XX в.

Одной из важных трансформаций в западных богословских программах является “переоткрытие” Ветхого Завета и, связанное с этим, внимание к эсхатологии. Интерпретация речей и притч Иисуса в эсхатологической перспективе (Э. Кэземанн, Р. Бульманн) задает абсолютно иные герменевтические программы. Следствием этого является, во-первых, новый

взгляд на историю (Ю. Мольтман, В. Панненберг), а во-вторых изменение акцента в теологии с интровертно-интеллектуальной перспективы на экставертно-социальную (целый ряд так называемых теологий освобождения, феминистская теология и др.).

Немецкий богослов Юрген Мольтман в своей программе “теологии надежды” тоже делает акцент на историчности откровения в эсхатологической перспективе. Откровение Бога (данное в прошлом) своим содержанием имеет провозвестие Царства Божия (будущее) и это божие обетование определяет смысл и направленность истории для христиан (настоящее). Поэтому содержание памяти Церкви, по словам Ю. Мольмана, это наше “воспоминание о будущем”, которое оказывает влияние на надежды и тревоги настоящего.

Для католического теолога Йоханнеса Баптиста Метца основными категориями его программы политической теологии являлись память, повествование, солидарность. Память (*Memoria*) — это не просто способность нашей памяти (как функции мозга) к запоминанию, но так же и содержание воспоминаний. В понимании Метца мы прежде всего должны говорить о содержании нашего христианского памятования, которое мобилизуется в практическую функцию. Тезис о *Memoria*, т.е. тезис о вере как памяти, вере как воспоминании и характеризует политическую теологию.

Метц уточняет, что под верой в первую очередь он не понимает *fides qua creditor*, акт веры, который предшествующая богословская традиция понимала как интеллектуальное согласие, а экзистенциальная теология толковала в смысле решения. Оба этих подхода важные, но они целиком основаны на субъективности и приводят к приватизации веры. У Метца содержание веры выходит на первый план (во что верить): вера в страдания, смерть и воскресение Христа — это память, обладающая практической и мобилизующей силой. Догматика — это способ выражения этой коллективной памяти, а Церковь — носительница христианской памяти.

Речь не идёт о памяти в ностальгически-романтическом смысле как о воспоминаниях о событиях в прошлом. Так прошлое оправдывается в мыслях и мы мысленно с этим прошлым примиряемся (такой ход мыслей мы видим от платоновского *anamnesis*^а до церковных социальных теорий, считает Метц). Но подлинная христианская память — опасная память. Она «ставит настоящее под вопрос, пробуждает дремлющие надежды, раскрывает горизонты будущего и призывает к действию». Опасность христианской памяти в политическом смысле предполагает и критику настоящего исторического момента.

Политическая теология Метца, подобно “теологии надежды” Мольмана, видит веру под знаком «эсхатологического воспоминания». Христианская вера обладает критическим, освобождающим и спасающим потенциалом. Содержание учения Церкви, тем не менее остается в рамках традиции. Догма, то есть память в Церкви, является, по Метцу, «практической памятью» и неразрывно связана с действием, направленным, однако не на про-

шное, но на наше эсхатологическое, ожидаемое будущее. Две другие категории политической теологии Метца — это «повествование» и «солидарность». Свое мессианское содержание Церковь осуществляет в «воспоминаниях о будущем», обещанным Богом, о котором можно и нужно возвещать и который дает нам основание для солидарности, но не в прошлом и не в сокрытых рядах единоверцев, а в нашей надежде, общении и солидарности любви.

Колядко Илья Николаевич

магистр философских наук, преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Фундаментальная онтология М. Хайдеггера и богословие личности: пути преодоления культурно-антропологического кризиса

Кризис общества современного типа наиболее полно репрезентируется в культурно-антропологическом измерении. Культура, являясь исходной для конституирования человеческого из природы и собственно человека из животного, существенно трансформируется в направлении упрощения, редукции высоких стилей к массовым стереотипным шаблонам мышления и поведения. В основании подобной деструкции культуры — весьма посредственное, нерелективное понимание человека как асоциального индивид-потребителя, интересы которого направляются и жестко ограничиваются всепронизывающими рыночными отношениями.

В своей фундаментальной онтологии М. Хайдеггер предпринимает попытку переосмыслить статус и смысловые коннотации базовых категорий мышления, фундирующих современную науку, культуру, мир сущего в целом, разрабатывая экзистенциальную интерпретацию базовых структур бытия. В этой связи «последний философ Запада» видит свою ближайшую задачу в экспликации сущности человека путем проблематизации онтологического статуса модусов его естественнонаучной, антропологической, психоаналитической, технической интерпретаций. М. Хайдеггер приходит к обоснованному выводу, согласно которому понимание человека исключительно как имманентно метафизического существа, обладающего «размышляющим мышлением» и не сводящегося к физиологии, может стать единственно возможным основанием построения моделей выхода из сложившегося культурно-антропологического кризиса современности. Богословие личности в святоотеческой традиции православного христианства исходит из глубокого понимания человека как «образа и подобия Божия», что сразу же задает ряд весьма многослойных и полисемантических интерпретаций. Большинство из них сводятся к выявлению сверхприродного, духовного измерения в человеческом «бытии-в-мире», того измерения бытия, причастность к которому позволяет в полной мере идти по пути очеловечивания как самого индивида, так и всего мира. Синергия — сотрудничество — Лично-